

**О некоторых фонетических особенностях сундуковского говора
Малопургинского района Удмуртской Республики**

В. В. Елышев

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
elyshev.vladimir2016@yandex.ru*

Н. В. Кондратьева

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация,
nataljakondratjeva@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению фонетических особенностей говора деревни Сундуково Малопургинского района Удмуртской Республики. Особое внимание уделяется языковым явлениям, сближающим этот говор, с одной стороны, с севернoudмуртскими, с другой – южноудмуртскими диалектами. Также обнаружены специфические признаки в области вокализма и консонантизма, отличающие исследуемый говор от других территориальных разновидностей удмуртского языка.

Цель: определить особенности вокалической и консонантной системы сундуковского говора удмуртского языка на современном этапе его развития.

Материал исследования: фольклорные тексты, собранные авторами статьи во время диалектологических экспедиций в 2019–2023 гг.

Результаты и научная новизна. В исследовании впервые проводится комплексный историко-лингвистический анализ фонетического строя говора деревни Сундуково Малопургинского района Удмуртской Республики. По наиболее характерным чертам, на современном этапе своего развития указанный говор близок, с одной стороны, к северному наречию, в особенности к нижнечепецким говорам, на что указывают такие явления как: 1) корреспонденция гласных *ы* // *и* а также *и* // *ы* в показателе элитива; 2) функционирование аффрикаты *ц* на месте общепринятой литературной, а также характерной для южной диалектной зоны аффрикаты *ч*. С другой стороны, некоторые черты сундуковского говора сближают его с южной диалектной зоной о чём свидетельствует, например, функционирование показателя элитива на *-ис'* в речи старшего поколения.

К числу специфических явлений сундуковского говора можно отнести следующие: 1) выпадение группы звуков на *-ис'к* в глаголах настоящего и прошедшего времени I и II лица как единственного, так и множественного числа, 2) выпадение гласной *ы* в инфинитивных формах глагола и в деепричастиях, 3) функционированием аффрикат *э, ё, ч, џ* в ан-, ин- и ауслаутной позициях слова.

Ключевые слова: удмуртский язык, срединные говоры удмуртского языка, сундуковский говор, фонетика, историческая фонетика

Для цитирования: Елышев В. В., Кондратьева Н. В. О некоторых фонетических особенностях сундуковского говора Малопургинского района Удмуртской Республики // Вестник угроведения. 2015. Т. 15. № 2 (61). С. 224–237.

**About some phonetic features of the Sundukovo subdialect
of the Malopurginsky District of the Udmurt Republic**

V. V. Elyshev

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation,
elyshev.vladimir2016@yandex.ru*

N. V. Kondratyeva

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
nataljakondratjeva@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of phonetic features of the Sundukovo subdialect of the Malopurginsky District of the Udmurt Republic. Special attention is paid to linguistic phenomena that bring this dialect closer to the Northern Udmurt dialects, on the one hand, and the Southern Udmurt dialects, on the other. There are also specific features in the field of vocalism and consonantism that distinguish the studied dialect from other territorial varieties of the Udmurt language.

Objective: to determine the features of the vocal and consonant system of the Sundukovo subdialect of the Udmurt language at the present stage of its development.

Research material: folklore texts collected by the authors during dialectological expeditions in 2019–2023.

Results and novelty of the research: for the first time, the study provides a comprehensive historical and linguistic analysis of the phonetic structure of the Sundukovo village subdialect in the Malopurginsky District of the Udmurt Republic. According to the most characteristic features, at the present stage of its development, this dialect is close, on the one hand, to the Northern dialect, especially to the Lower Cheptsya subdialects, as indicated by such phenomena as: 1) the correspondence of the vowels *y* // *i* and *i* // *y* in the index of the elative; 2) the functioning of the affricate *ts* in place of the generally accepted literary, as well as characteristic for the Southern dialect zone instead of the affricate *ch*. On the other hand, some features of the Sundukovo subdialect are close to the Southern dialect, for example, the functioning of the indicator of the elative on *-is* ' in the speech of the older generation.

The specific phenomena of the Sundukovo subdialect include the following: 1) the loss of a group of sounds on *-is* ' *k* in the verbs of the present and past tense of the I and II persons, both singular and plural; 2) the loss of the vowel *y* in infinitive verb forms and in adverbs; 3) the functioning of the affricates *dʒ*/, */dʒ*/, */tʃ*/, */tʃ*/ in an-, in- and auslaut positions of a word.

Key words: Udmurt language, Middle subdialects of the Udmurt language, Sundukovo subdialect, phonetics, historical phonetics

For citation: Elyshev V. V., Kondratyeva N. V. About some phonetic features of the Sundukovo subdialect of the Malopurginsky District of the Udmurt Republic // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 224–237.

Введение

Носителями срединных говоров удмуртского языка являются жители центральных и частично южных районов Удмуртской Республики, а также нескольких населённых пунктов сопредельных им Малмыжского и Вятско-Полянского районов Кировской области [21, 194].

Срединные говоры удмуртского языка исследованы довольно эпизодически и в различной степени. Так, первые образцы речи были зафиксированы Т. Г. Аминоффом в д. Якшур-Бодья [33, 37–44]. Вслед за финским учёным в 1885 г. для сбора диалектологического материала к удмуртам приехал известный венгерский учёный Б. Мункачи. В одной из его работ «*Voťják népköltészeti haguományok*» представлен материал говора деревни *Вуж Ёумья* Сарапульского уезда (ныне д. Новый Сентег Завьяловского района), входящего в состав среднеижских говоров [36, 120–121]. Важное значение для развития удмуртской диалектологии имеют труды финского исследователя Ю. Вихманна, дважды побывавшего у удмуртов в 1891–1892 и 1894 гг. Собранный мате-

риал лёг в основу работ учёного «*Voťjakische Sprachproben*» («Образцы удмуртской речи») [37; 38], где срединные говоры представлены текстами, зафиксированными в д. Чужьялово от информанта Степана Михайлова [38, 195].

Первое диссертационное исследование, посвящённое изучению фонетики и морфологии средневосточных говоров, было защищено в 1972 г. С. К. Бушмакиным [8], а в 1980 г. диссертацию по прикильмезским говорам удмуртского языка представила Б. Ш. Загуляева [12]. Неоценимый вклад в изучение удмуртских диалектов внёс профессор В. К. Кельмаков. Ряд работ учёного, в особенности «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» [17], «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [18], и в некоторой степени «Краткий курс удмуртской диалектологии» [21], демонстрируют особенности функционирования срединных говоров. В последних двух работах, в частности, упоминается исследуемый нами сундуковский говор [18, 170–171; 21, 197].

Несмотря на наличие работ в области удмуртской диалектологии, вопросы относительно

проведения границ между южными и срединными говорами, с одной стороны, и северными и срединными – с другой, остаются открытыми. Для этого необходимо провести комплексное изучение фонетико-морфологических и лексических особенностей каждого говора. Всё это определяет актуальность данной статьи.

Сундуковским нами назван говор удмуртов, проживающих в деревне Сундуково (удм. *Бӧдья-Пу́ро*) Малопургинского района Удмуртской Республики. В исторических документах починок «Сундуковъ» Бурановской волости встречается в 1859 г.: «По левую сторону Сарапульско-Малмыжской просёлочной дороги, чрез с. Козловское до границы уезда, ... при рч. Сарапулке малой» [31, 598]. К этому времени в починке насчитывалось 29 дворов с населением 221 человек (106 мужчин, 115 женщин). К 1924 г. в деревне числилось 50 дворов с населением 268 человек [25, 598]. По данным переписи 2010 г. население д. Сундуково составляло 345 человек. Согласно последней переписи населения 2020 г. в деревне проживают 264 человека [5].

Населённый пункт был основан потомками двух воршудно-родовых групп приблизительно в начале 1700-х гг. – *Бӧдья* и *Можга* [6, 22]. *Бӧдья* – южноудмуртская воршудная группа. «Название удмуртского рода *Бӧдья* происходит, очевидно, от удмуртского мужского дохристианского имени, зафиксированного в переписях XVII–XVIII вв. в форме *Быда* или *Бодка*» [29, 81]. По данным исследователей, родовым гнездом бодынцев принято считать д. Старая Бодья Кизнерского района Удмуртской Республики. В этот район они прибыли с правобережья реки Вятки из района Азелинского и Суворовского могильника. В начале II тыс. н. э. под натиском тюркских племён удмурты рода *Бӧдья* были вынуждены переселиться в более глубокие районы Удмуртии, в том числе – в Малопургинский. Следы этого рода также обнаруживаются в бассейне р. Чепцы: в д. Правая Кушья Игринского района имеется древний могильник *Бӧдьяшай* ‘могильник рода *Бӧдья*’ [3, 80].

По данным полевых исследований, воршудная группа *Можга* в д. Сундуково переселилась из деревни Пу́ро-Можга и основала поселение Боди́но-Можга, приблизительно в двух-трёх километрах от современного расположения

деревни, заняв территорию бодынцев. Об этом свидетельствует и название леса, расположенного неподалёку от их бывшего поселения – *Можгасик* ‘Можгинский лес’. Недовольные бодынцы сожгли поселение можгинцев. После пожара 1813 г., группа жильцов, вероятно, каким-то образом наладив хорошие отношения с родом *бӧдья*, переселилась поближе к их роду. В настоящее время две воршудно-родовые группы разделяет река Малая Сарапулка (удм. Пу́ро), а части деревни называются Бода, ранее Боди́но-Можга (*бодя* < *Боди́но-Можга* < воршуд. назв. *Бӧдья*+*Можга*) и Бӧдья-Пу́ро (*бӧдья* < воршуд. назв. *Бӧдья* + *пу́ро* < прибалт.-фин. *poro* ‘ручей’).

Говор деревни Сундуково до настоящего момента не был объектом специального исследования. По наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам он близок, с одной стороны, к северноудмуртским говорам, с другой – к южным. Однако в языковой системе исследуемого говора выделяются некоторые специфические явления, не свойственные вышеупомянутым говорам, что обусловлено, на наш взгляд, историей формирования данного региона.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили фольклорно-диалектологические тексты, собранные авторами статьи в 2019–2023 гг. от носителей описываемого говора посредством записи монологической и диалогической речи на диктофон [ПМА 1; ПМА 2; ПМА 3]. Респондентами выступили 9 человек в возрасте от 57 до 94 лет. Перевод представленного в работе диалектологического материала осуществлён авторами данной статьи.

В работе был использован комплекс исследовательских методов: синхронно-описательный; привлечение лингвистических фактов из различных удмуртских диалектов, родственных финно-угорских языков позволило использовать сравнительно-сопоставительный метод. Во время полевых исследований широко использовался метод «включенного наблюдения». Для расшифровки и научной интерпретации зафиксированного диалектного материала применялся слухоаналитический метод анализа звучащей речи. Сбор фактического материала осуществлялся с использованием

различных приёмов полевого метода: опрос по вопроснику; интервьюирование.

Результаты исследования

1. Вокализм

В исследуемом нами сундуковском говоре представлено 7 гласных: *и, ы, у, э, ө, о, а*. По нашим наблюдениям, фонемы акустически и артикуляционно ничем не отличаются от соответствующих фонем удмуртского литературного языка. В то же время вокальная система исследуемого нами говора, если не брать во внимание канлинский и бесермянский варианты языка с их вокалической системой из шести гласных [18, 60], является упрощённой в том плане, что в отдельных южных диалектах – татышлинском и красноуфимском – вдобавок к семи гласным сохранились архаичные гласные *й, ä, ö°, э*, и гласная *ы* функционирует в двух вариантах: *ь, ь*. Северное наречие в своём составе имеет 7 гласных фонем, однако гласная *ы* в севернорудмуртском языковом ареале выступает в трёх вариантах: «*ы* – гласный среднего ряда верхнего подъёма, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъёма заднего ряда, – гласный верхне-среднего (среднего) подъёма средне-заднего ряда» [14, 89].

Подобная сундуковскому говору система гласных функционирует также в средневожосточных [8, 10] прикильмезском [12, 6], жужгесском [22, 394] и в ряде других срединных говорах удмуртского языка, а также в верхнечепецких говорах севернорудмуртского наречия [15, 123].

Среди наиболее типичных явлений, характерных для сундуковского говора удмуртского языка, можно выделить следующие.

Корреспонденция гласных в сундуковском говоре является наиболее распространённым фонетическим явлением. Из регулярных междиалектных корреспонденций в исследуемом нами говоре представлены следующие виды:

1) Корреспонденция гласных сунд. *ы* // лит. *и*. В сундуковском говоре, также как и в большинстве срединных говоров, при соседстве с последующим велярным согласным или перед *ж, ш, ч* и последующим палатальным употребляется гласная *ы*: сунд. *ычка-* // лит. *шика-*: *соос туры́н-кўарйосты йадови тоййоссэ ычканы шэтто вал*. ‘Бывало, они ядовитые растения рвали’ [ПМА 1: Козлова]; сунд. *гынэ* // лит. *гинэ*: *у-йбыт с’урэс уччаса вэтлил’л’ам но, сэрэ чўкнапал гынэ с’урэсэс шэттил’л’ам*. ‘Всю ночь

искали дорогу, но только к утру дорогу нашли’ [ПМА 2: Елышева].

Данный тип корреспонденции также характерен для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов северного наречия, где подобно сундуковскому говору вместо общепринятого литературного гласного *и* употребляется *ы*: лит., сч., вч. *гынэ* // нч. *гынэ* ‘лишь’. В южной диалектной зоне в этой же позиции употребляется гласная *и*: *биз’э* ‘бежит’, *пиз’* ‘мука’.

Причины возникновения данного типа корреспонденции гласных в удмуртском языке до настоящего времени являются невыясненными. Однако, опираясь на материалы удмуртских диалектов, в особенности на татышлинский говор, где в некоторых словах на месте звукосоответствия *и* // *ы* наблюдается третья фонема *ь* (*э*), В. К. Кельмаков выдвигает гипотезу о том, что междиалектная корреспонденция гласных *ы* // *и* (// *ь*) могла быть рефлексом более ранней праудмуртской фонемы **э*, которая, утрачиваясь, заместилась в северной диалектной зоне гласной *ы*, в южной – *и*, в татышлинском, красноуфимском, кукморском говорах спорадически сохранилась без изменения [20, 157].

2) Корреспонденция гласных сунд. *и* // лит. *ы* в исследуемом нами говоре наблюдается в следующих падежных маркерах:

2.1) показатель элатива (удм. лит. *-ысь*): сунд. *олокы тис’* // лит. *олокытысь*: *вуис, нэ, олокы тис’ но, кака йа это д’эр’э-вн’а, нэ, шуэ*. ‘Пришёл, говорят, неизвестно откуда и спрашивает, какая это деревня’ [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *мун’чоис’* // лит. *мунчоысь*: *и отис’, туры́н кўарзэ бас’тыкуз, өс ус’тис’кэм мун’чоис’, и отис’ пичи ад’ами – пиосмурт – потэм мыйико*. ‘Когда брала оттуда травы, дверь открылась, и из бани вышел человек – мужчина вышел усатый’ [ПМА 2: Чикова]; сунд. *бодаис’* // лит. *Бодаысь*: *ти н’и али йаблок бам шуо ук бодаис’, сойэ шарбам шуо вал аз’ло*. ‘Сейчас ведь говорят Яблок бам (букв. Яблоневого склон) из Бодино, раньше его Шар бамом называли’ [ПМА 3: Усаева].

Несмотря на вышеприведённые примеры, встречаются показатели элатива, соответствующие литературному языку на *-ысь’*: *отысь’*: *сэрэ ми, чўкна вуис кэ, отысь’ мун’о чук бичаны, копэйка бичаны бэрвылазы мынком вал ни*. ‘Потом мы, когда настанет утро, туда лоскутки, копейки собирать шли на их место’ [ПМА 1:

Сапарова]; *гуртыс'*: *нош вылыис' гуртыс' эий-осмы пыдын кошкил'л'ам*. 'А друзья из верхней части деревни пешком пошли' [ПМА 1: Козлова]; *н'улэскыс'*: *чи-сто гуртын, а аз'ло н'улэскыс' ва-ньэ...* 'Все дома, а раньше все из леса...' [ПМА 3: Никулина]; *тыбырыс'тыз*: *олома рзэ пырто, пырто, пырто но, с'од тыбырыс'тыз гон кад'эс, пэ, потэ пичи нылпилэн, шуо вал мэмэййос*. 'Что-то парят, парят, парят, и что-то наподобие волос выходит из спины ребёнка, говорили мамы' [ПМА 1: Сапарова];

2.2) суффикс эгрессива (удм. лит. *-ысен*): сунд. *корка аз'ис'эныз* // лит. *корка азысыеныз*: *солэн кышноэз, шарбам йылыс' корка аз'ис'энызы султыса, со картсэ, пэ, кэс'ас'кэ ва*. 'Его жена, с крыльца дома на склоне Шар, мужа звала' [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *татиис'эн* // лит. *татиысен*: *а копак татиис'эн н'улэс*. 'букв.: А отсюда лес кругом' [ПМА 2: Тойкина].

В исследуемом нами говоре корреспонденция *ы* // *и* функционирует также в корневых морфемах. Например, слово *выл'* 'новый' не отличается от литературной формы, но в сложных словах – например, *вил'кэнак* 'жена старшего брата' – вместо гласной *ы* употребляется гласная *и*. Аналогичный пример непоследовательности в реализации фонетического изменения *-ый-* > *-ий-* наблюдается при соседстве гласной *-ы-* с палатализованными согласными или палатальным *-й-*: сунд. *интийэс* // лит. *интийэз*: *сэрэ н'улэс, пэ, н'эжыты'н но буш интийэс өвёл*. 'Потом лес, говорят, нигде свободного места нет' [ПМА 1: Елышева]; сунд. *бусийазы* // лит. *бусыазы*: *курооссэс чисто, вал кэ но пыд улазы ук ку'йало вал, дыр, пудоосызлы, кыйэд каро вал, дыр, раз бусийазы кыйэт поттыны сычэ кулэ луэм бэрэ соослы*. 'Солому, даже если она и была, скотине под ноги не бросали, для навоза использовали, наверное, раз в поле им очень нужен был навоз' [ПМА 3: Бегитова].

Согласно исследованиям В. К. Кельмакова, гласная *ы* в корневых морфемах, как перед велярными, так и перед палатальными согласными является первичной. Функционирование гласной *и* вместо *ы* в корневых морфемах – явление позднее, относящееся предположительно к праудмуртскому периоду (X–XVII), т. к. ранние письменные памятники XVIII в. уже отмечают *и* вместо первичного *ы* [20, 160]: *имь* 'рот', *нилонь* 'горло', *чирты* 'шея' [28, 84, 87, 99]; *nil-don* 'сорок' [35, 407].

В северных диалектах, так же как и в литературном языке, сундуковскому гласному *и* соответствует гласная *ы* (*кыис'* 'из руки', *шурис'эн* 'будучи в реке'), в то время как в южном наличествует – *и* (*кыд'окис'эн* 'издалека', *татис'* 'отсюда').

Возникновение корреспонденции лит. *ы* // сунд. *и* в сундуковском говоре можно обусловить палатализирующим воздействием последующего согласного на первичное *ы* как в корневых (*вил'кэнак* 'жена старшего брата', *кид'окэ* 'далеко'), так и в служебных морфемах (*олокы'тис'* 'откуда-то', *аз'ис'эныз* 'спереди'), а также влиянием как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции палатального согласного *й* на первичное *ы* (*бусийазы* 'в поле', *мыйико* 'усатый').

3) Корреспонденция гласных сунд. *ы* // лит. *у* в сундуковском говоре наблюдается в деепричастиях, где вместо общепринятого литературного *-ку* во всех трёх лицах используется диалектное *-кы*: сунд. *поткызы* // лит. *потыкузы*: *с'урэсэ кэмалыгэс поткызы вэдинэн пумис'кызы кэ, уз удалты шуса вэрало вал*. 'Если встретят колдуна, отправляясь в дальний путь, то не повезёт, говорили' [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *гудырйаки* // лит. *гудыръяку*: *гудырйаки ми пичийэс' дырйа кышкас'ком вал, ил'йапроок валэн ворттылэ шуком вал*. 'В детстве мы боялись грома, пророк Илья на колеснице катается, думали' [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *поттыкызы* // лит. *поттыкузы*: *мынам нэнэйэлы, марфакириловналы, дас с'из'ым арэс вылэм та л'и'н'ийэс поттыкызы*. 'Моей маме, Марфе Кирилловне, семнадцать лет было, когда линию прокладывали' [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *турнакы* // лит. *турнаку*: *кукэ но турнакы-а мар-а учкыли*. 'Когда-то во время сенокоса, что ли, смотрела' [ПМА 2: Тойкина]. Кроме того, функционирование гласной *-ы* вместо общепринятого литературного *-у* нами зафиксировано в наречии *сокы* 'тогда'.

Причина возникновения данной корреспонденции до сих пор остаётся до конца невыясненной. По мнению Д. В. Бубриха, в допермскую эпоху деепричастия имели форму на (*ы*) *кы-к*, (*ы*)*кэ-к*: *вэтлыкы-к*, *вэтлыкэ-к* 'во время хождения'. В общепермский период произошло падение конечных согласных, поэтому деепричастия образовывались при помощи суффиксов *-ыкэ*, *-ыкы* < сунд. *вэтлыкы* 'во время хождения'. Согласно гипотезе учёного, форма

деепричастия на *-ку*, возможно, является более поздним образованием и берёт своё начало от вопросительного слова *ку?* ‘когда?’ – ‘во время хождения’ [7, 70].

Синкопа – фонетическое явление, характеризующееся выпадением звука или группы звуков внутри слова, особенно в положении между смычными [4, 395]. В исследуемых нами говорах синкопа наблюдается в следующих случаях:

1) Выпадение группы звуков на *-исък-* происходит в глаголах настоящего и прошедшего времён I и II лица единственного числа: сунд. *улком* (лит. *улисском*): *кин кэ но ёсошкэм ини, озы кэрэтса улком, ум ту'нас'кэ шуса*. ‘Кто-то пожаловался уже что ссоримся, не ладим’ [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *бэртком вал* (лит. *бертисском вал*): *шумпотса бэртком вал*. ‘Радуясь шли домой’ [ПМА 3: Никулина]; сунд. *шуком ва* (лит. *шуйсском вал*): *оти н'искылас'ком кэ вал кирилэн, кыд'окэ мэд мыноз шуса, кикон-офон шуком ва*. ‘Если там катались на санках с Кириллом, чтобы дальше скользили, «кикон-офон» проговаривали’ [ПМА 2: Елышева].

В северном наречии и в южных диалектах удмуртского языка глаголы настоящего времени как с короткой, так и длинной основой, образуются подобно литературному удмуртскому языку при помощи суффиксов *-с'к-* (*-ск-*): *вырис'ко* ‘пытаюсь’, *кырзас'ко* ‘пою’.

Суффикс *-исък-*, по мнению Б. А. Серебrenникова возник относительно поздно, и в образовании этой формы принял участие финно-угорский суффикс *-šk*: фин. *nuole-skele-* ‘лизать’, кольско-лапл. *kul-sk-ynty* ‘прислушиваться’ [30, 238]. К. Е. Майтинская возводит элемент *-k* суффикса *-šk* к прафинно-угорской общности, который являлся показателем настоящего времени [24, 42]. В древнеудмуртском языке настоящее время по звуковому оформлению совпадал с языком коми – различие было в огласовке основы (*o* вместо *a*). Например, глагол I лица, единственного числа *мынисько* ‘иду’ имел вид *тупо* в удмуртском языке, *тупа* – в коми. Древняя форма настоящего времени в удмуртском языке функционирует до сих пор, но с трансформацией значения, репрезентируя форму будущего времени, например *мыно* ‘пойду’. «Для построения новой формы настоящего времени удмуртский язык воспользовался не основным суффиксом, а частным специфическим значением многократного

суффикса *-šk*», который в древнеудмуртском языке обозначал длительное, обычно совершаемое действие [30, 238–239; 34, 173–174]. В сундуковском и ряде других удмуртских говоров для образования настоящего времени суффикс *-šk* присоединился лишь к двух- или трёхсложным глагольным основам (*ужа-с'к-о* ‘работаю’, *лэс'ти-с'к-о* ‘делаю’, *учки-с'к-о* ‘смотрю’), а односложные основы образуются при помощи прафинно-угорского показателя настоящего времени – суффикса *-k* (*мын-к-о* ‘иду’, *с'и-к-о* ‘ем’, *йу-к-о* ‘пью’, *сыл-к-о* ‘стою’). Возможно, речь идёт не о выпадении элемента *-и'ск-*, *-с'к-*, а в целом о его отсутствии в словах с односложной основой в срединных говорах удмуртского языка.

2) Выпадение гласной *ы* наблюдается:

2.1) в инфинитивных формах глагола I спряжения: сунд. *сины* (лит. *сиыны*): *ко т'маи мынам ван', только сины н'ан'э өвёл, пэ, шуэ вал вэс'* ‘Всё у меня есть, только хлеба есть нет, сказывают, говорил всегда’ [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *вуны* (лит. *вуыны*): *потиз ни чыж-чыж ик луса ы-ы, а дас часлы вуны кулэ кийа со-войэ*. ‘Вышел запыхавшись, а к десяти часам уже надо приехать в Киясово’ [ПМА 3: Усаева]; сунд. *карны* (лит. *карыны*): *оццы, пэ, соос ана карны куткил'л'ам ини*. ‘Там, говорят, они полосу земли начали готовить’ [ПМА 1: Елышева]; сунд. *улыны* (лит. *улыны*): *ныллиоссы то кыд'окын кунгош с'оры кошкылэмын, и туш с'экыт соослы улыны*. ‘Дети то далеко за границу уехали, и очень тяжело им жить’ [ПМА 2: Елышева].

Подобно сундуковскому говору, выпадение гласного *-ы-* – показателя I спряжения глаголов наблюдается в верхнечепецком диалекте, в то время как в среднечепецком, а также в нижнечепецком диалектах данная гласная сохраняется: вч. *пырны* (< *пырыны*), сч. *пърньн* (*пырыны, пърнүн*), нч. *пырыны* ‘войти, зайти’; вч. *улыны* (< *улыны*), сч. *ульнь* (*улыны, улүн*), нч. *улыны* ‘жить’; вч. *вурны* (< *вурныны*), сч. *вурньн* (*вурныны, вурнүн*), нч. *вурныны* ‘шить; зашить; подшить’ [16, 464].

2.2) в деепричастиях на *-са* и *-кы* (*-ку*): сунд. *потса* (лит. *потыса*): *корказас потса со кышномурт картсэ с'ис'кыны өт'э вал*. ‘Выйдя на крыльцо, эта женщина мужа обедать звала’ [ПМА 1: Елышева]; сунд. *улса* (лит. *улыса*): *тарэ отын улса-улса, соос кызы кэ но, бон озы, инмар соослы с'отйаз, дыр, ини, тарэ*

кизон-гырон инты малпало ни, нэ, соос. ‘Теперь пожив, так, наверное, Бог им давал, теперь о месте для вспашки и посадки начали они думать’ [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *шуса* (лит. *шуыса*): *малы кэрэткады шуса йуаны лыктэм*. ‘Пришёл спросить, почему ссоритесь’ [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *кэрэтса* (лит. *кере-тыса*): *кин кэ но ёшошкэм ини озы кэрэтса улком, ум ту’нас’кэ шуса*. ‘Кто-то сказал уже, что ссоримся, не ладим’ [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *бэртса* (лит. *бертыса*): *паша н’ун’у ша’хтайэ пачкаса куло, шуэм но, гуртэ бэртса ик кулиз тин’и*. ‘Дядя Паша под рухнувшую шахту умру, говорил, но вернувшись домой и умер’ [ПМА 2: Елышева]; сунд. *пукса* (лит. *пукыса*): *оццы пэрэс’ пиос кут кутаса пукса, дото трос кумэл’зы луэ вылэм но, оццы выйэс карны со кумэл’зэс куйало вылэм*. ‘Там старики лапти заплетая, сидели, много лыка было у них, и туда вместо моста кидали лыко’ [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *мынкы* (лит. *мыныку*): *бода но бөд’йа-пуро войэват’тис’ко’м вал, н’улэскы кускыл’ий-эн лэзийас’кыны мынкы*. ‘Бода и Бөдья-Пуро воевали, когда шли в лес шишками кидаться’ [ПМА 1: Козлова].

2.3) в инфинитивных формах: в данном случае выпадение гласной *-ы-* происходит лишь в односложных корнях. Возможно, в сундуковском говоре инфинитивная форма глагола односложных основ развилась по коми модели: к. *пэтны*, сунд. *потны* ‘выйти’; к. *кутны*, сунд. *кутны* ‘ловить’; к. *кывны*, сунд. *кылны* ‘слышать’; к. *с’ойны*, сунд. *с’ины* ‘есть’.

Как видно из примеров, гласная *-ы-* выпадает в положении после гласных сунд. *с’ины* ‘есть’, так и согласных сунд. *кылны* ‘слышать’. В двусложных корнях она сохраняется, т. к. возникает труднопроизносимое сочетание согласных: *бас’тыны* ‘брат’, *лыжэыны* ‘читать’, *пөс’тыны* ‘варить’.

Важно подчеркнуть, что в северном и южном языковых ареалах гласная *-ы-* в инфинитивных формах глагола, а также в деепричастиях выпадению не подвергается: сев. *пукыны* ‘сидеть’, юж. *мыныны* ‘идти’, сев. *лэз’ыса* ‘опуская’, юж. *шудыса* ‘играя’.

Б. А. Серебренников связывает причину отпадения конечного гласного инфинитива в коми языке перетяжением ударения на первый слог слова, при котором гласный *-ы-* подвергался сильной редукции, в результате чего отпал: *тинупу* > *тинэпу* > *тинпу* [30, 311]. Подобного

мнения придерживается В. К. Кельмаков, связывая редукцию конечных гласных основы с фиксированным ударением на начальном слоге в общепермском праязыке. Под влиянием прибалтийско-финских языков в коми языке ударение сформировалось на первом слоге слова, а в удмуртском – под влиянием татарского языка – на последнем [19, 31–32].

3) Выпадение гласной *-э-* происходит в переходном падеже (лит. *-эти*): сунд. *с’урэсти* (лит. *сюресэти*): *квадраци кылэн урод с’урэсти но зато’ мынны быгатод*. ‘Зато на квадроцикле и по плохой дороге проедешь’ [ПМА 3: Усаева]; сунд. *н’укти* (лит. *нюкетй*): *сэрэ со кумэл’ н’укти потаны, бон, аз’ло пудо с’ион, кыйэдий-о’с, марй’о’с куйаны ук с’уры вал, дыр, ук ай...* ‘К тому же, чтобы пройти по Лычному логу, наверно раньше скотный корм, навоз или ещё что-то не было лишним...’ [ПМА 3: Бегитова].

Элизия – «падение конечного гласного слова на стыке с начальным гласным следующего слова» [4, 525]. В исследуемом говоре в позиции перед начальным гласным следующего слова наблюдается выпадение конечного гласного предшествующего слова. В срединных говорах явление элизии представлено в местоименных основах: сунд. *тин’та* (лит. *тйни та*): *мил’ам азбарын лымы н’искылан гурэз’ тин’та’ жэужда*. ‘У нас во дворе снежная горка вот такой высоты’ [ПМА 2: Елышева]; сунд. *сон’со* (ф.у. *сон* + удм. *со*): *ну шулдыр но шулдыр вал сон’со н’укин*. ‘Ну прямо очень красиво было в этом логу’ [ПМА 2: Тойкина]; сунд. *сон’соос* (ф.у. *сон* + удм. *со*): *пэрэс’йос, нэ, бутто ини, кинлы виро с’отизы, сон’соос, нэ, жэч улны косизы*. ‘Старики, как будто, кому жертву приносили, они, мол, хорошо жить заставили’ [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *оқпол* (лит. *одйг пол*): *оқпол пуройэ мынил’лам но, пуройэ-а, кы’ццы-а, ну кыццы кэ но со пала*. ‘Однажды в Байситово поехали, в Байситово или куда-то, ну куда-то в ту сторону’ [ПМА 3: Усаева].

Как видно из примеров, в сундуковском говоре происходит редупликация праформы с современной удмуртской формой: *сон’со* ‘вот он / тот’ (ф. *sinä* (< **tinä*), мд. *сон*, сунд. *сонь* + *со*). Отсюда можно предполагать, что в исследуемом нами говоре сохранилось рудиментарное общефинно-угорское местоимение. В удмуртском литературном языке указательные и лично-указательные местоимения имеют форму *со* в единственном числе, и *соос* – во множественном.

Словесное ударение в удмуртском языке, как утверждают исследователи, чаще всего падает на последний слог слова [11, 47; 32, 9]. Ударный слог отличается от безударного долготой и силой его воспроизведения. В удмуртском языке все гласные фонемы одинаковой долготы: в нём не принято противопоставлять долгие гласные краткими. Кроме того, «в говорах удмуртского языка, лёгших в основу литературного, гласные произносятся чётко, не редуцируются. Но всё же, ударные гласные удмуртского языка произносятся длиннее примерно в полтора раза, чем безударные» [11, 22].

В исследуемом нами говоре ударение, так же, как и в литературном языке, чаще всего падает на последний слог слова. Тем не менее, сундуковский говор имеет ряд специфических черт. Например, ударение падает на первый слог слова в следующих случаях:

1. В указательных местоимениях: сунд. *kõ·n'a пол шуккоз, со·мында арэсын ик быз'од*. 'Сколько раз стукнет, во столько лет и замуж выйдешь' [ПМА 1: Козлова]; сунд. *аз'ло коркашурын со·мында сутэр вал, али ко·пак бурйан отын ни*. 'Раньше в Коркашуре столько смородины было, теперь там только бурьян' [ПМА 2: Тойкина]; сунд. *ал'и тарэ ад'амилэс' кышкаса но н'э·кыццы но уд пот ни ук, олокы·чэ но ад'ами ван'*. 'Страшась людей теперь некуда не выйдешь, какие попало есть люди' [ПМА 3: Никулина].

2. В наречиях образа действия: сунд. *сэрэ ниспу, нэ, ко·пак чужэктэ, кўас'мэ*. 'Потом, говорят, дерево совсем желтеет, высыхает' [ПМА 2: Чикова]; сунд. *аз'ло коркашурын со·мында сутэр вал, али ко·пак бурйан отын ни*. 'Раньше в Коркашуре столько смородины было, теперь там только бурьян' [ПМА 2: Тойкина]; сунд. *и о·гэн-огэн мынком вал ка·бээ*. 'Совсем ведь одни шли' [ПМА 3: Усаева].

3. В наречиях, указывающих время, образованных при помощи суффикса *-быт*, ударение падает на предшествующий этому суффиксу слог: сунд. *у·йбыт вэтли йыромыса, нэ, шуэ*. 'Всю ночь плутал, говорит' [ПМА 3: Бегитова].

4. В отрицательных глаголах ударение падает на основной глагол: сунд. *сэрэ вös'ас'кис'ком вал ни: ил'йапророк, эн кушты*. 'Потом молились: пророк Илия, не оставь нас' [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *эн кулэ ай, ээч мэд улоды ай, шуизы, шуса*. 'Сказав, что они передали не умирайте, хорошо живите' [ПМА 1: Елышева];

сунд. *со, нэ, вэдин, солэс' с'ийон-йуонзэ эн с'и·ы, вэдналозы мар, шуо, вал*. 'Он, говорят, колдун, его еду не ешь, а то заколдует, говорили' [ПМА 2: Чикова]; сунд. *кот' кут на кот' эн кут ни*. 'Хоть держи, хоть не держи'.

2. Консонантизм

Система согласных сундуковского говора представлена 30 фонемами: *б, в, г, д, д', ж, ж', з, з', э, й, к, л, л' м, н, н', п, р, с, с', т, т', ф, х, ц, ч, ч', ш, щ*. Принято считать, что фонемы *ф, х, ц, щ* заимствованы из русского языка [10, 31; 14, 51]. Но вопрос о заимствовании фонемы *ц* остаётся открытым, т. к. данная фонема встречается в удмуртских словах, в том числе, зафиксированных нами местоименных наречиях *оццы* 'туда', *таццы* 'сюда', что может говорить о функционировании данной фонемы до контакта удмуртов с русскими. Кроме того, фонема *ц* встречается как в исконно удмуртских, так и заимствованных из иранского языка словах. Из памятников удмуртской письменности также встречаем: *эцейюсь* 'государи', *цирты* 'шея, горло', *цеци* 'мед', *сярци* 'репа', *ципей* 'щука', *цябей* 'пшеница', *церсон* 'пряжа кудели', *цирс* 'кислый', *уцкон* 'зеркало', *тацы* 'сюда', *кыцы* 'куда' [26, 46–48, 57, 71, 113]; *цебер* 'красота', *церикъяса* 'кричать', *цидаськонълэн* 'терпение' [22, 248, 250]; *цецэзэ* 'мед', *цюкиндырьсько* 'принимают крещение', *ваце* 'вместе' [9, 12, 13, 143]; *лудкець* 'заяц', *орцитизь* 'провёл' [2, 11, 46]; *вицяк* 'весь', *цюрыгыосызь* 'рыбаков', *цирдэлэ* 'пойте' [26, 101, 175]; *дзець* 'хороший', *цидантэм* 'нетерпеливый' [1, 20, 36]. Более подробно лексика удмуртских письменных памятников представлена в работе Л. М. Ившина «Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века» [13].

Аффрикатизация в исследуемой говоре является наиболее распространённым фонетическим явлением в речи большинства респондентов старшего поколения. С точки зрения использования аффрикат, речь молодых более приближена к нормам литературного языка. Аффрикатизация протекает следующим образом:

1) Палатализованный *з'* переходит в аффрикату *з̣* (*з' > з̣*): *азаз* (лит. *азяз*): сунд. *мэмэймы кулон азаз ишанзэ азээм*. 'Мама перед смертью призрак увидела' [ПМА 2: Чикова]; сунд. *озы* (лит. *озы*): *мон вэт' валэз йаратэмэным озы вэтко вал, дыр*. 'Я ведь из-за любви к лошади так ходила, наверное' [ПМА 2: Тойкина];

сунд. *кызы-о* (лит. *кызы-о*): *и син'соос, пэ марым, кы'зос'ай со?* 'И эти, говорят, как их там?' [ПМА 1: Елышева]; сунд. *кузо* (лит. *кузё*): *мунчокузо мэд кышкалоз, мэдас кё'шкэматы шуса.* 'Чтобы банный дух (букв.: хозяин бани) испугался, чтоб не пугал' [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *возко* (лит. *возисько*): *ныкйаса, пэ, ёсэс возко мэдас потэ таццы мон доры шуса.* 'Дверь придерживаю, чтобы сюда не выходили' [ПМА 2: Чикова]; сунд. *кызы* (лит. *кызы*): *оццы, пэ, кызы кэ но вуил'л'ам кышнойэн картэнийос кёчэ кэ но.* 'Туда, говорят, как то пришли муж с женой какие-то' [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *азыс* (лит. *азыыз*): *сэрэ учкил'л'ам но, отын, пэ, буш интийэз ван' – н'улэстэм азыс.* 'Потом посмотрели и нашли свободное место – безлесное место' [ПМА 3: Никулина]; сунд. *кизон* (лит. *кизён*): *мар кэ но шоттил'л'ам кизон.* 'Что-то нашли для засева' [ПМА 1: Елышева]; сунд. *гурэзэ* (лит. *гурезь*) *кышноэз, пэ, оццы гурэзэ йылэ с'ион пёс'тыса кыл'э вылэм.* 'Его жена там на горе (букв. туда на гору) еду варить оставалась' [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *возэмын* (лит. *воземян*): *отын прут бэрвылыз: прут чыпса возэмын, ко'пак дол-дол марым вал.* 'Там место пруда: пруд прудили, просторно было' [ПМА 2: Тойкниа]; сунд. *зазэк* (лит. *зазег*): *зазэк карис'кыса но лобало вал, пэ.* 'И в гуся оборотившись летали, говорят' [ПМА 2: Сапарова]; сунд. *н'экызы* *но* (лит. *ненокызы но*): *н'экызы но бэртны ук шэттис'кы ни мон.* 'Никак не могу найти найти дорогу я' [ПМА 1: Елышева]; сунд. *лэзизы* (лит. *лэзизы*): *пэ'рвой, пэ, ускокол'эйка лэзизы с'урэс вылтизы.* 'Сначала узкоколейку пустили по дороге' [ПМА 2: Елышева]; сунд. *сузало* (лит. *сузяло*): *с'урэс сузало.* 'Дорогу чистят' [ПМА 3: Усаева].

2) Согласная *ж* переходит в аффрикату *жс* (*жс > жс*): *ујсаньы* (лит. *ужаны*): сунд. *картэс, пэ, ујсаньы мынэ вал солэн оццы.* 'Её муж шёл туда работать' [ПМА 1: Елышева]; сунд. *којсой* (лит. *кожой*): *нош солэн кук којсой, вамэн, пэ-гээм уг луы.* 'А у неё ноги кривые, не может убежать' [ПМА 1: Козлова]; сунд. *ујс* (лит. *уж*): *нэнэйэ пукс'э вал но ки ујс ујсаньы но, ёжыт пукс'ис'ком вал, дыр, јсытсэ чэрсны.* 'Мама садилась за рукоделие (букв. ручную работу работать), понемногу вечерами за прялку садились' [ПМА 3: Никулина]; сунд. *оццы пэрэс'пиос кут кутаса пукса, дото трос кумэл'зы луэ вылэм но оццы выјс карны со кумэл'зэс куйало вылэм.* 'Там старики, лапти плетя, сидели,

много лыка было у них, и туда вместо моста кидали лыко' [ПМА 3: Бегитова].

3) Согласная *ш* переходит в аффрикату *ч* (*ш > ч*): сунд. *ычканы* (лит. *ишканы*): *йадо-ви тоййоссэ ычканы шэтто вал.* 'Ядовитые (растения) случайно рвали' [ПМА 1: Козлова]; сунд. *пучкы* (лит. *пушкы*): *бон инмар ук с'отиз, дыр, соослы мар кэ но с'ёд н'улэс пучкы.* 'Бог, наверно, им что-то дал в тёмном лесу' [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *вачкала* (лит. *вашкала*): *вачкала дырйа туж чирдыны уггэс быгато вал мэ-мэййос, н'эгра мотнойэс' вал бэрэ.* 'В старину матери не умели петть, раз неграмотными были' [ПМА 1: Сапарова].

Система праудмуртских аффрикат в значительной степени сформировалась в прапермском языке и перешла в современный удмуртский язык в виде 4 аффрикат образующие коррелятивные пары по глухости / звонкости (**č* / **ž* и **č* / **ž*) и велярности / палатальности (**č* / **č* и **ž* / **ž*). «Все аффрикаты функционировали во всех позициях праудмуртского корня» [20, 285–286]. Срединные говоры, в частности сундуковский, по-видимому, унаследовали данную закономерность. В исследуемом нами говоре аффрикаты функционируют как в анлаутной (*жазэз* 'гусь', *јуш* 'желудок', *чучкон* 'полотенце', *чонари* 'паук'), так же инлаутной (*озы* 'так', *кочыш* 'кот / кошка', *көжы* 'горох', *вачкала* 'старинный') и ауслатной (*ујс* 'работа', *зэч* 'хороший', *пукыч* 'лук', *ваз* 'рано') позициях.

В северных и южных диалектах аффрикаты *жс*, *зс* функционируют только в анлаутной позиции.

В сундуковском говоре, по сравнению с удмуртским литературным языком, наряду с аффрикатизацией наблюдается обратный процесс деаффрикатизации, а также процесс перехода одной аффрикаты в другую:

1) Аффриката *зс* переходит в согласный звук *з*: сунд. *бадзын* (лит. *бадзым*): *бат'пузы отын дото бадзын вал соослэн.* 'У них там большая ива была' [ПМА 3: Бегитова]; сунд. *ну, со јуртийосын туж бадзын с'эмйаос: ван' дас кыкэн но, тросгэс но.* 'Ну, в этих домах очень большие семьи: есть по двенадцать и больше' [ПМА 1: Елышева].

2) Аффриката *ч* переходит в аффрикату *ц*: *оццы* (лит. *отчы*): сунд. *мэмэййос мунчойэ мыннил'л'ам но, дото во бадзын с'ёд ош, пэ, оццы, мунчойэ пыриз.* 'Мама с подругами

пошли в баню, и туда большой чёрный бык, говорят, зашёл' [ПМА 1: Елышева]; сунд. *таццы* (лит. *татчы*): *пыкйаса, нэ, ёсэз воэко, мэ-дас потэ таццы мон доры шуса*. 'Придерживаю, мол, дверь, чтобы ко мне сюда не вышли' [ПМА 2: Чикова]; сунд. *кыццы кэ* (лит. *кытчы ке*): *сэрэ тин'и п'а'тница нуналэ кор'чогам бэ-разы, сойэ бас'тыса вато ук кыццы кэ*. 'Потом в пятницу после пригвождения его хоронят же куда-то' [ПМА 1: Сапарова]; сунд. *олокы'ццы* (лит. *олокытчы*): *вот ил'л'ани: ис'топлэн д'ад'айэс олокы'ццы со, можга-а мар-а мынэм, и ас'мэлэн фэрма отын, шур с'ёрын вал ини*. 'Вот отец Степана Ильича не известно куда, в Можгу что ли пошёл, а наша ферма там, за фермой уже была' [ПМА 3: Бегитова].

Подобные явления также зафиксированы в среднечепецком, нижнечепецком диалектах, в кезском говоре верхнечепецкого диалекта: *таццы* 'сюда', *кыццы* 'куда' [14, 151].

Обсуждение и заключение

Таким образом, согласно поставленной цели, нами были определены особенности вокалической и консонантной системы сундуковско-го говора удмуртского языка на современном этапе его развития. На основе анализа собранного полевого материала, можно сделать вывод о том, что в сундуковском говоре приблизительно в одинаковой степени присутствуют черты как северных, так и южных диалектов. С северными диалектами рассматриваемый нами говор сближает корреспонденция гласных *ы* // *и*: сунд., нч. *гынэ* // лит. *гинэ* 'лишь', так же *и* // *ы*: в показателе элатива сунд., нч.

н'улэскыс' // юж. *н'улэскис'*. Кроме того, в сундуковском говоре, наряду со среднечепецким и нижнечепецким диалектами, а так же кезским говором верхнечепецкого диалекта наблюдается процесс функционирования аффрикаты *ц* на месте общепринятого литературного, а также характерного для южной диалектной зоны аффрикаты *ч*: сунд. *оццы* 'туда'.

Из отличительных характеристик южного диалекта в сундуковском говоре можно выделить функционирование гласной *и* в показателе элатива (лит. *-ысь*): *мун'чоис'* 'из бани' и эгрессива (*-ысен*): *корка аз'ис'эныз* 'из крыльца', но преимущественно в речи носителей старшего поколения.

В то же время, следует отметить, что говор д. Сундуково – это самостоятельный языковой ареал, с присущими ему специфическими особенностями, что обусловлено историей заселения: выпадение группы звуков на *-исък* в глаголах настоящего и прошедшего времени I и II лица как единственного, так и множественного числа: *улком* (лит. *улуйськом*) 'живем', *сико* (лит. *сиисько*) 'ем', *шукком вал* (лит. *шуйськом вал*) 'говорили', а также выпадение гласной *ы* в инфинитивных формах глагола и в деепричастиях: *мынны* (лит. *мыныны*) 'идти', *потны* (лит. *потны*) 'выйти', *нуса* (лит. *нуыса*) 'неся'. Кроме того, срединные говоры отличаются обильным функционированием аффрикат *э, ёс, ч, ё* абсолютно в любой позиции слова: *эзэз* 'гусь', *кычпу* 'береза', *ужэ* 'работа', *чөж* 'утка'.

Все представленные фонетические особенности сундуковского говора обусловлены историей развития удмуртского языка на разных этапах его становления.

Сокращения

вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка, лит. – удмуртский литературный язык, нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка, сев. – северный диалект удмуртского языка, сунд. – сундуковский говор, сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка, юж. – южный диалект удмуртского языка.

Список источников и литературы

1. Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Глазовскому). Казань, 1847. 174 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 387–558. (Серия «Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3»).
2. Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 249–439. (Серия «Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4»).
3. Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта: из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 214 с.

4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
5. База данных «Этно-языковой состав населённых пунктов России. Перепись 2020/21 года» // LINGVARIUM project. URL: <http://lingvarium.org/russia/Census2021.shtml> (дата обращения: 14.02.2025).
6. Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее / под ред. В. Ф. Миллера. М.: Тип. Т. Рис, 1888. Вып. 3. С. 14–64.
7. Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка: (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 110 с.
8. Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
9. Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск: Удмуртия, 1992. 142 с.
10. Господа нашего Иисуса Христа Евангелие отъ св. евангелиста Матѳея на русскѳм и вотяцкомѳ языках, сарапульскаго нарѳчїя. Казань. 234 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 11–248. (Серия «Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4»).
11. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / П. Н. Перевощиков, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев, А. А. Поздеева, И. В. Тараканов. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. 376 с.
12. Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 16 с.
13. Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2023. 216 с.
14. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
15. Карпова Л. Л. О некоторых отличительных фонетических чертах верхнечепецких говоров удмуртского языка. // Пермистика 19: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей / отв. ред. С. А. Сажина. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023. С. 122–128.
16. Карпова Л. Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 4. С. 462–473.
17. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с.
18. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск: АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Удм. гос. ун-т, 1990. 368 с.
19. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993. 57 с.
20. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. Ч. 2. 395 с.
21. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2006. 385 с.
22. Кондратьева Н. В., Соколова О. Л. Динамические процессы в фонетической системе современных диалектов удмуртского языка (на материале срединных говоров) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 4. С. 391–402.
23. Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск: РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 1995. XX + 208 с.
24. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Либриком, 2016. 264 с.
25. Материалы по статистике Вятской губернии / сост. Я. Вьюгов. Вятка: изд-ние Вятского губернского земства, 1892. Т. 7: Сарапульский уезд. Ч. 2: Подворная опись. 657 с.
26. Могилинъ М. Краткой отяцкїя Грамматики опытъ = опыт краткой удмуртской грамматики / отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с.
27. Отъ Матѳея святое Благовѳествованїе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскѳмъ и вотяцкомѳъ языкахъ, глазовскаго нарѳчїя. Казань. 135 с. [Переизд. Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 13–249.
28. Паллас П. С. Сравнительные словари всѳхъ языковъ и нарѳчїй, собранные десницѳю Всевысочайшей особы. СПб.: Тип. у Шнора, 1787. Ч. I. 412 с.
29. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Родовая система удмуртов. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2024. 424 с.
30. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
31. Список населённых мест по сведениям 1859–1873 годов, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. Внутр. дел, 1876. Вып. 10. 993 с.
32. Удмурт кылын шонер гождьясконья кыллюкам (Шонер гождьясконья правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет / С. А. Максимов, М. А. Самарова, Л. Л. Карпова, Л. М. Ившин, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов,

- Т. Р. Душенкова, М. П. Безенова; кылкутись редакторез С. А. Максимов. Ижкар: УдмФИЦ УрО РАН, 2022. 764 с.
33. Aminoff T. G. *Votjakilaisia kielinäyteitä* // JSFOu. 1886. I. Pp. 32–55.
34. Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p.
35. Miller G. F. *Sammlung russischer Geschichte*. SPb. 1758. Vol. I. 612 с. + XLIII.
36. Munkácsi B. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 p.
37. Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1893. I: *Lieder, Gebete und Zaubersprüche*. XX + 200 p.
38. Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1901. II: *Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen*. IV + 200 p.

Полевые материалы авторов

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Сундуково, Малопургинский район, Удмуртская Республика, сентябрь 2019 г. (Информанты: Е. Т. Сапарова, 1938 г. р.; Е. П. Елышева, 1931 г. р.; Е. Т. Козлова, 1939 г. р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Сундуково, Малопургинский район, Удмуртская Республика, апрель 2020 г. (Информанты: А. В. Елышева, 1954 г. р.; Р. А. Чикова, 1950 г. р.; Ю. Т. Тойкина, 1939 г. р.)
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Сундуково, Малопургинский район, Удмуртская Республика, июль 2023 г. (Информанты: Г. М. Никулина, 1940 г. р.; М. Г. Бегитова 1929 г. р.; Г. И. Усаева, 1966 г. р.).

References

1. *Azbuka sostavlennaja iz Rossijskich, cerkovnoj i grazhdanskoj pečati, bukv, dlja obuchenija Votskich drętej chteniju na ih naręchii. (Po Glazovskomu)* [An alphabet made up of Russian, church and civil seals, letters, for teaching Votyak children to read in their dialect. (According to the Glazov dialect)]. Kazan, 1847. 174 p. *Pervye pečatnye knigi na udmurtskom jazyke: Glazovskoe narechie* [The first printed books in the Udmurt language: Glazov dialect]. Comp. L. M. Ivshin, L. L. Karpova. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN Publ., 2003. Pp. 387–558. (In Russian)
2. *Azbuka sostavlennaja iz Rossijskich, cerkovnoj i grazhdanskoj pečati, bukv, dlja obuchenija Votskich drętej chteniju na ih naręchii. (Po Sarapul'skomu)* [An alphabet made up of Russian, church and civil seals, letters, for teaching Votyak children to read in their dialect. (According to the Sarapul dialect)]. Kazan, 1847. 192 p. *Pervye pečatnye knigi na udmurtskom jazyke: Sarapul'skoe narechie* [The first printed books in the Udmurt language: Sarapul dialect]. Comp. L. M. Ivshin, L. E. Kirillova. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN Publ., 2003. Pp. 249–439. (In Russian)
3. Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyğurta: iz istorii udmurtskich regionov* [From Dondykar to Ursyğurt: from the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 2005. 214 p. (In Russian)
4. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskich terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 576 p. (In Russian)
5. *Baza dannyh "Jetno-jazykovej sostav naseljonnyh punktov Rossii. Perepis' 2020/21 goda"* [Database "Ethno-linguistic composition of Russian settlements. The 2020/21 Census"]. Available at: <http://lingvarium.org/russia/Census2021.shtml> (accessed February 14, 2025). (In Russian)
6. Bogaevskiy P. M. *Oчерк byta sarapul'skich votjakov* [An essay on the life of the Sarapul Votyaks]. *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyj pri Dashkovskom etnograficheskom muzee* [Collection of materials on ethnography, published in the Dashkovsky Ethnographic Museum]. Ed. V. F. Miller. Moscow: Tip. T. Ris Publ., 1888. Vol. 3. Pp. 14–64. (In Russian)
7. Bubrikh D. V. *Istoricheskaja fonetika udmurtskogo jazyka: (sravnitel'no s komi jazykom)* [Historical phonetics of the Udmurt language: (compared with the Komi language)]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1948. 110 p. (In Russian)
8. Bushmakina S. K. *Foneticheskie i morfoložicheskie osobennosti srednevostochnyh govorov udmurtskogo jazyka* [Phonetic and morphological characteristics of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]. Tartu, 1971. 28 p. (In Russian)
9. Vakhrušev V. M., Denisov V. N. *Sovremennyj udmurtskij jazyk: Fonetika. Grafika i orfoğrafija. Orfoğepija* [Modern Udmurt language: Phonetics. Graphics and orthography. Orthoepy]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1992. 142 p. (In Russian)
10. *Gospoda našego Iisusa Hrista Evangelie ot sv. evangelista Matęeja na russkøi i votjackom jazykah, sarapul'skøgo naręchija* [The Gospel of our Lord Jesus Christ according to St. Matthew the Evangelist in Russian and Votyak, Sarapul dialects]. *Pervye pečatnye knigi na udmurtskom jazyke: Sarapul'skøe narechie* [The first printed books in the Udmurt language: Sarapul dialect]. Comp. L. M. Ivshin, L. E. Kirillova. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN Publ., 2003. Pp. 11–248. (In Russian)
11. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka: Fonetika i morfoložija* [Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology]. P. N. Perevoshnikov, V. M. Vakhrušev, V. I. Alatyrev, A. A. Pozdeeva, I. V. Tarakanov. Izhevsk: Udmurt. kn. izd-vo Publ., 1962. 376 p. (In Russian)
12. Zagulyaeva B. Sh. *Prikil'mezskie govory udmurtskogo jazyka* [Kilmez subdialects of the Udmurt language]. Tartu, 1980. 16 p. (In Russian)
13. Ivshin L. M. *Leksika pjamjatnikov udmurtskoj pis'mennosti XVIII veka* [Vocabulary of the monuments of Udmurt writing of the XVIII century]. Izhevsk: UdmFUZ UrO RAN Publ., 2023. 216 p. (In Russian)

14. Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechija udmurtskogo jazyka: formirovanie i sovremennoe sostojanie* [Subdialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status]. Izhevsk: MarShak Publ., 2020. 563 p. (In Russian)
15. Karpova L. L. *O nekotoryh otlichitel'nyh foneticheskikh chertah verhechepeckih govorov udmurtskogo jazyka* [About some distinctive phonetic features of the Upper Chepts dialects of the Udmurt language]. *Permistika 19: dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami: sbornik nauchnyh statej* [Permistika 19: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: collection of scientific articles]. Syktyvkar: Komi respublikanskaja tipografija Publ., 2023. Pp. 122–128. (In Russian)
16. Karpova L. L. *Foneticheskie markery verhechepeckogo dialekta udmurtskogo jazyka* [Phonetic markers of the Upper Chepts dialect of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2023, no. 17 (4), pp. 462–473. (In Russian)
17. Kelmakov V. K. *Obrazcy udmurtskoj rechi: Severnoe narechie i sredinnye govory* [Samples of Udmurt speech: Northern and Middle dialects]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1981. 299 p. (In Russian)
18. Kelmakov V. K. *Obrazcy udmurtskoj rechi 2: Sredinnye govory* [Samples of Udmurt speech 2: Middle dialects]. Izhevsk: UrO RAN; Udm. IYAL; Udm. gos. un-t Publ., 1990. 368 p. (In Russian)
19. Kelmakov V. K. *Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskih dialektov* [Formation and development of Udmurt dialects phonetics]. Moscow, 1993. 57 p. (In Russian)
20. Kelmakov V. K. *Dialektnaja i istoricheskaja fonetika udmurtskogo jazyka. Chast' 2* [Dialectal and historical phonetics of the Udmurt language. Part 2]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2004. 395 p. (In Russian)
21. Kelmakov V. K. *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologija. Dialektnye teksty. Bibliografija* [Brief course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 2006. 385 p. (In Russian)
22. Kondratyeva N. V., Sokolova O. L. *Dinamicheskie processy v foneticheskoj sisteme sovremennyh dialektov udmurtskogo jazyka (na materiale sredinnyh govorov)* [Dynamic processes in the phonetic system of modern dialects of the Udmurt language (based on the material of the Middle dialects)]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2019, no. 11 (4), pp. 391–402. (In Russian)
23. Krotov Z. *Udmurtsko-russkij slovar'* [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IJaL Publ., 1995. XX + 208 p. (In Russian)
24. Maytinskaya K. E. *Istoriko-sopostavitel'naja morfologija finno-ugorskih jazykov* [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Librikom Publ., 2016. 264 p. (In Russian)
25. *Materialy po statistike Vjatskoj gubernii* [Materials on statistics of Vyatka province]. Vyatka; izdanie Vyatskogo gubernskogo zemstva Publ., 1892. *Vyp. 7. Sarapul'skij uezd. Ch. 2. Podvornaja opis'* [Vol. 7. Sarapulsky District. Part 2. Household inventory]. 657 p.+ V. (In Russian)
26. Mogilin M. *Kratkoj otjacksonoj Grammatiki opyt = opyt kratkoj udmurtskoj grammatiki* [The experience of brief Udmurt grammar]. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN Publ., 1998. 203 p. (In Russian)
27. *Ot Matoeja svjatoe Blagovestovanie* [Gospel of Matthew]. *Gospoda nashego Iisusa Hrista Evangelija ot sv. evangelistov Matoeja i Marka na russkom i votjackom jazykah, glazovskago narječija. Kazan. 135 p.* [Our Lord Jesus Christ of the Gospel of the Holy Evangelists Matthew and Mark in the Russian and Votyak languages, Glazov subdialect. Kazan. 135 p.]. *Pervye pechatnye knigi na udmurtskom jazyke: Glazovskoe narechie* [The first printed books in the Udmurt language: Glazov dialect]. Comp.L. M. Ivshin, L. L. Karpova. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN Publ., 2003. Pp. 13–249. (In Russian)
28. Pallas P. S. *Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju Vsevyšochajshej osoby* [Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the Most High Person]. Saint-Petersburg: Tip. u Schnora Publ., 1787. Part I. 412 p. (In Russian)
29. Pislegin N. V., Churakov V. S. *Rodovaja sistema udmurtov: monografija* [Udmurt tribal system: monograph]. Izhevsk: UdmFIC URO RAN Publ., 2024. 424 p. (In Russian)
30. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaja morfologija permskih jazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1963. 391 p. (In Russian)
31. *Spisok naseleennyh mest po svedenijam 1859–1873 godov, sostavlennye i izdavaemye Central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del* [List of populated places according to information from 1859–1873, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Saint-Petersburg: izd. Zentr. Stat. kom. Ministerstva Vnutrennih del Publ., 1876. Vol. 10. 993 p. (In Russian)
32. *Udmurt kylyn shoner gozhjas'konja kylljukam (Shoner gozhjas'konja praviloosyn): 55 000 pala kyl no kyltjechet* [Udmurt spelling dictionary]. Comp. S. A. Maksimov, M. A. Samarova, L. L. Karpova, L. M. Ivshin, L. E. Kirillova, O. V. Titova, A. A. Shibanov, T. R. Dushenkova, M. P. Bezenova; S. A. Maksimov. Izhar: UdmFIC UrO RAN Publ., 2022. 764 p. (In Udmurt)
33. Aminoff T. G. *Votjakilaisia kielinäytteitä. JSFOu*, 1886, no. I, pp. 32–55. (In Finnish)
34. Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p. (In Finnish)
35. Miller G. F. *Sammlung russischer Geschichte*. Saint-Petersburg: Akademie der Biffenfadafft, 1758. T. I. 612 p. + XLIII. (In German)

36. Munkácsi B. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 p. (In Hungarian)
37. Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 p. (In German)
38. Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1901a. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 p. (In German)

Field materials of the authors

Field materials of the authors 1 – *Ekspediciya v d. Sundukovo, Malopurginskij rajon, Udmurtskaya respublika, sentyabr' 2019 g.* (Informanty: E. T. Saparova, 1938 g. r.; E. P. Elysheva, 1931 g. r.; E. T. Kozlova, 1939 g. r.) [Expedition to Sundukovo village, Malopurginskiy District, Udmurt Republic, September 2019 (Informants: E. T. Saparova, 1938 year of birth; E. P. Elysheva, 1931 year of birth; E. T. Kozlova, 1939 year of birth)].

Field materials of the authors 2 – *Ekspediciya v d. Sundukovo, Malopurginskij rajon, Udmurtskaya respublika, aprel' 2020 g.* (Informanty: A. V. Elysheva, 1954 g. r.; R. A. Chikova, 1950 g. r.; Yu. T. Tojkina, 1939 g. r.) [Expedition to Sundukovo village, Malopurginskiy District, Udmurt Republic, April 2020 (Informants: A. V. Elysheva, 1954 year of birth; R. A. Chikova, 1950 year of birth; Yu. T. Toykina, 1939 year of birth)].

Field materials of the authors 3 – *Ekspediciya v d. Sundukovo, Malopurginskij rajon, Udmurtskaya respublika, iyul' 2023 g.* (Informanty: G. M. Nikulina, 1940 g. r.; M. G. Begitova 1929 g. r.; G. I. Usaeva, 1966 g. r.) [Expedition to Sundukovo village, Malopurginskiy District, Udmurt Republic, July 2023 (Informants: G. M. Nikulina, 1940 year of birth; M. G. Begitova, 1929 year of birth; G. I. Usaeva, 1966 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елышев Владимир Валерьевич, аспирант, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426067, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. им. Татьяны Барамзиной, д. 34); ассистент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики, Удмуртский государственный университет.

elyshev.vladimir2016@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-3482-5944

Кондратьева Наталья Владимировна, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426067, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. им. Татьяны Барамзиной, д. 34), доктор филологических наук, профессор.

nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3632-503X

ABOUT THE AUTHORS

Elyshev Vladimir Valeryevich, Postgraduate Student, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426067, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Tatyana Baramzina Str., 34); Assistant of the Department of Linguistic Typology and Linguodidactics, Udmurt State University.

elyshev.vladimir2016@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-3482-5944

Kondratyeva Natalya Vladimirovna, Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science (426067, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Tatyana Baramzina Str., 34), Doctor of Philological Sciences, Professor.

nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-3482-5944